

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1-1 Жуковский

И.А. Айзикова

ТЕМЫ И СЮЖЕТЫ ПЕРЕПИСКИ В.А. ЖУКОВСКОГО
И Е.Г. ПУШКИНОЙ

Исследуются материалы, связанные с личностью родоначальника русского романтизма В.А. Жуковского, которые рассматриваются в историко-литературном и нравственно-этическом контекстах. Впервые публикуются архивные материалы.
Ключевые слова: Жуковский, Е.Г. Пушкина, письмо.

В обширном эпистолярном наследии В.А. Жуковского особое место занимают его письма к Елене Григорьевне Пушкиной, урожденной Воейковой (в первом браке Немцова, 1778–1833). Е.Г. Пушкина – жена А.М. Пушкина (1771–1825), писателя, переводчика, актера-любителя, дальнего родственника А.С. Пушкина. «Это, конечно, была одна из лучших русских женщин своего времени, – пишет о ней Л.Н. Майков. – Большой ум в ней признавали даже те, кто не хотел или не умел видеть в ней других качеств. Злые языки находили, что она любила блистать своим умом и вместе с тем выставлять на показ свою чувствительность; говорили, что в ней много претензий¹; но такие люди, как Жуковский, Вяземский и Ал. Тургенев, как Муравьев-Апостол и Батюшков, питали к ней неподдельное и глубокое уважение: обладая замечательным образованием, хорошо знакомая с современною литературой, любезная в своем обращении, эта молодая женщина стояла совершенно на уровне умственного и нравственного развития лучших своих современников» [2. С. 138]. После смерти мужа Е.Г. Пушкина жила с дочерьми в Германии, в Дрездене, где и сдружилась с Жуковским². Она была его яркой собеседницей и адресатом.

До нас дошло 22 письма Жуковского к Е.Г. Пушкиной. Коллекция их автографов хранится в РО ПД (ИРЛИ) [3], в составе собрания П.И. Бартенева. Письма написаны черными чернилами на разной бумаге: плотной и тонкой, желтого и голубого цвета, с водяными знаками и без них; листы писем были сложены по горизонтали и вертикали вдвое, к некоторым приложены конверты с красной сургучной печатью. Сейчас письма склеены в одну тетрадь в 34 листа, на ее обложке надпись, сделанная П.И. Бартевым: «22 письма Жуковского (подлинники) к Елене Григорьевне Пушкиной (урожд. Воейковой), супруге Алексея Михайловича Пушкина. Подарены мне их дочерью Прасковьей Алексеевной Пушкиной. Кроме четырех последних напечатаны в 1-й книге моего сборника “Деятнадцатый век”»³. Эти письма Жуковского

¹ Здесь Л.Н. Майков ссылается на «Воспоминания» Ф.Ф. Вигеля [1. С. 14].

² Первое упоминание о Е.Г. Пушкиной в дневнике Жуковского находим в записи за 5 ноября 1817 г. Ее имя – в ряду других московских знакомых поэта.

³ Имеется в виду кн.: [4. С. 406–424].

мало известны, т.к. их публикация Бартеневым была единственной, а 4 письма из 22 не опубликованы до сих пор. Между тем они проливают свет на ряд важнейших страниц биографии Жуковского и его эпоху, что и является основным предметом внимания в данной статье.

Первое из рассматриваемых писем датируется 22 мая 1824 г., а последнее – 19 декабря 1828 г., о чем ниже скажем подробнее. Здесь же обратим внимание на то, что 1824–1828 гг. вобрала в себя события, имевшие большое значение и для Жуковского, его жизни и творчества, и для всей России.

Напомним некоторые из них. 6 мая 1824 г. Жуковский повез душевнобольного К.Н. Батюшкова в Дерпт на лечение, в июле этого же года он был назначен наставником великого князя Александра Николаевича, впоследствии – его воспитателем. В этом же году в Петербурге в свет выходит 3-е издание «Стихотворений Василия Жуковского». 14 декабря 1825 г., во время восстания декабристов, поэт находится в Зимнем дворце, оставаясь и в дальнейшем в эпицентре всего, что явилось следствием восстания на Сенатской площади. 1826 год отмечен для Жуковского смертью Н.М. Карамзина, 1827-й – кончиной С.И. Тургенева. Оба этих года поэт проводит в основном в Германии, в мае – июне 1827 г. находится в Париже. В 1824–1828 гг. Жуковским написаны такие программные сочинения, как статья «Рафаэлева "Мадонна"», стихотворение «Таинственный посетитель», в «Полярной звезде» публикуются отрывки из перевода «Орлеанской девы», создается «Записка о Н.И. Тургеневе». В ряд перечисленных событий следует поставить и переписку Жуковского с Е.Г. Пушкиной.

Наиболее раннее письмо поэта к Е.Г. Пушкиной, датированное самим автором, было написано из Дерпта и передано адресату доктором Бауманом, который сопровождал Батюшкова на лечение в Германию. В письме Жуковский извещает Елену Григорьевну не только о прибытии больного поэта в Дерпт, но и о том, что «он будет помещен в Зоненштейнскую больницу и отдан на попечение доктора Пеница» и что «вослед за ним скоро приедет и его сестра Александра Николаевна; она решила его не покидать и все оставила, чтобы за ним следовать». Жуковский просит Пушкину принять «дружеское участие» в судьбе Батюшкова и особенно его сестры и быть «подпорою изнуренной горестью души ее» [3. Л. 1–1 об.].

Л.Н. Майков в указанной выше монографии, описывая отношения Е.Г. Пушкиной и К.Н. Батюшкова, отмечает, что «Елена Григорьевна прекрасно поняла живую, мягкую, увлекающуюся натуру и счастливое дарование поэта, и их соединила самая благородная дружба» [2. С. 138]. Он рассказывает о начале этого знакомства и приводит «самую теплую и самую верную», по его словам, «характеристику Константина Николаевича», сделанную Е.Г. Пушкиной: «Я познакомилась с Константином Батюшковым в 1811 году. Его ум и то блестящее воображение, которое дало ему место в ряду лучших поэтов, увлекли меня с первой же нашей встречи. Впоследствии он почтил меня названием своего друга. Не могу объяснить себе ту странность, которая господствует иногда над моими решениями; но несомненно, что в то время, о котором я го-

ворю, я упорно не желала, чтобы Батюшков был введен в мой дом. Уступая наконец настояниям моего брата, которого он был товарищем по военной службе и который непременно желал представить его мне, я наконец назначила день его первого посещения. Он явился и – лишь заставил пожалеть, что я так долго медлила принять его к себе. Батюшков в течение многих лет служил в военной службе и совершил поход в Финляндию. Он был в нем ранен и обойден при производстве. Оскорбленный в душе и в своем честолюбии, он подал в отставку, получил ее и приехал в Москву, чтоб утешиться от испытанной несправедливости в обществе друзей и муз, которых был баловнем. Батюшков был небольшого роста; у него были высокие плечи, впалая грудь, русые волосы, вьющиеся от природы, голубые глаза и томный взор. Отенок меланхолии во всех чертах его лица соответствовал его бледности и мягкости его голоса, и это придавало всей его физиономии какое-то неуловимое выражение. Он обладал поэтическим воображением; еще более поэзии было в его душе. Он был энтузиаст всего прекрасного. Все добродетели казались ему достижимыми. Дружба была его кумиром, бескорыстие и честность – отличительными чертами его характера. Когда он говорил, черты лица его и движения оживлялись; вдохновение светилось в его глазах. Свободная, изящная и чистая речь придавала большую прелесть его беседе. Увлекаясь своим воображением, он часто развивал софизмы, и если не всегда успевал убедить, то все же не возбуждал раздражения в собеседнике, потому что глубоко прочувствованное увлечение всегда извинительно само по себе и располагает к снисхождению. Я любила его беседу и еще более любила его молчание. Сколько раз находила я удовольствие в том, чтоб угадывать и мимолетную мысль его, и чувство, наполнявшее его душу в то время, когда он казался погруженным в мечтания. Редко ошибалась я в этих случаях. Тайное сочувствие открывало моему сердцу все то, что происходило в его душе. Это сочувствие установило между нами короткость с первых дней нашего знакомства» (цит. в переводе с фр. Л.Н. Майкова; см.: [2. С. 2–3]).

Приведем здесь же фрагмент письма К.Н. Батюшкова к Е.Г. Пушкиной, характеризующий его отношение к этой женщине: «В вашем прелестном для меня обществе я находил сладостные, неизъяснимые минуты и горжусь мыслью, что женщина, как вы, с добрым сердцем, с просвещенным умом и, может быть, с твердым, постоянным характером, любила угадывать все движения моего сердца и часто была мною довольна» [5. Т. 3. С. 231].

В ответ на упомянутое выше письмо Жуковского Е.Г. Пушкина писала 23 июня 1824 г.: «Я получила письмо ваше чрез доктора Баумана и виделась уже с Александрю Николаевной. Сердце мое разделяет с нею справедливую ее горечь. Но при первом нашем свидании я не смела показать ей печального чувства, которое наполняло мою душу. <...> Я предложила сестре Батюшкова нежнейшую дружбу и в полной мере исполнила свое обещание. <...> Какое-то счастливое предчувствие питает во мне надежду, что общий друг наш получит здесь облегчение. Дай Бог, чтобы такое предчувствие было справедливо. Позвольте мне при окончании письма изъяснить вам глубокое почтение, которое поступок ваш с Батюшковым родил в душе моей. Та-

ких друзей, как вы, редко найти можно. И счастлив тот, который может приобрести вашу дружбу» [6. Л. 1].

Письмо Жуковского от 13 мая 1825 г., отправленное к Пушкиной из Петербурга, полностью посвящено Батюшкову, тем надеждам, которые поначалу во всех вселяло его лечение в Германии. Объектом забот Жуковского, судя по письму, являются и сестры поэта – Александра и Юлия¹. Первую он вновь просит взять под свое покровительство Е.Г. Пушкину, а за судьбой второй он, находясь в Петербурге, сам наблюдал очень внимательно. Жуковский сообщает Елене Григорьевне, что видел Юлию несколько раз в «Смольном монастыре» и что «она расцветает как роза, и все ею чрезвычайно довольны. Она первая по учению и поведению» [3. Л. 3]. Он пишет Пушкиной и о младшем брате Батюшкова: «Помпей здоров и учится хорошо: милый мальчик; он очень напоминает наружностью Константина» [3. Л. 3 об.]². Красной нитью через все письмо проходит мысль о том, что Е.Г. Пушкина – ангел-хранитель К.Н. и А.Н. Батюшковых и что именно это сближает Жуковского с нею, превращая их обычное светское знакомство в «родство, грустное, но драгоценное» [3. Л. 2 об.]. Письмо заканчивается словами искренней признательности автора своему адресату: «...скажу вам просто и от всего сердца: душевно почитаю вас за вашу живость в дружбе. Уделите частицу ее и мне» [3. Л. 3 об.].

Письмо от 5 июля 1825 г. продолжает «батюшковский сюжет» и развивает образ Е.Г. Пушкиной как «доброто, хранительного Гения» большого поэта. С глубоким чувством признательности Жуковский выражает Елене Григорьевне свои соболезнования по поводу смерти ее мужа, случившейся в России, в «ту минуту», когда она «с трогательным участием дружбы» заботилась «о несчастном друге» [3. Л. 5]. Он сообщает ей, что в «решительное время» с ее супругом «был... неразлучно» Вяземский, который и рассказывал Жуковскому «много об последних его минутах и о твердости духа его в те минуты, когда он думал и говорил о близкой кончине своей» [3. Л. 5 об.].

В ответном письме от 16 августа 1825 г. Е.Г. Пушкина писала Жуковскому: «Благодарю вас за... ваше участие в горестной судьбе моей. <...> Благодарю вас еще более за известие о последних минутах невозвратного моего друга. Я не удивляюсь, что Алексей Михайлович оставил по себе пустоту в кругу друзей ваших. Он был... бескорыстен душою. <...> Вяземский был счастливее меня. Он был при нем в решительную ту минуту. <...> А я! Я под чужим небом, без друзей, без родных. <...> Сердце мое зовет меня в Россию! Зовет меня туда, где любила и была любима! Где чувствовала и горести, и радости; туда, где покоится милый прах; где год тому назад оставила все, что сердцу было мило. Но здоровье моей бедной дочери. <...> Я думаю провести зиму во Флоренции. <...> Грустно мне будет оставить соседство бедного Батюшкова и несчастной его сестры» [6. Л. 5–5 об.].

¹ Юлия Николаевна Батюшкова – сестра К.Н. Батюшкова по отцу, дочь Н.Л. Батюшкова от второго брака с А.Н. Теглевой, впоследствии – супруга Н.В. Зиновьева.

² Младший брат Батюшкова по отцу, Помпей Николаевич Батюшков, служил в должности попечителя Виленского учебного округа, остался в памяти современников как «восстановитель православно-русских начал в том краю» [4. С. 407].

Письмо Жуковского от 24 февраля 1826 г., продолжающее темы предыдущего, связанные с состоянием здоровья Батюшкова и положением его сестры, было написано, по сути, уже из новой России. Не обсуждая, разумеется, прямо события 14 декабря 1825 г., Жуковский сообщает Пушкиной известия о Е.Ф. Муравьевой¹, сыновья которой Никита и Александр, а также три племянника были заточены в Петропавловскую крепость: «Состояние бедной Екатерины Федоровны Муравьевой неописано. Все, что могло привязывать ее к жизни, разом рухнуло. Она ходит как тень. Что ее ожидает, не знаю, но нельзя и надеяться никакого облегчения судьбы ее». И далее Жуковский продолжает писать о своем ощущении происходящего в России: «Бедный наш друг (Батюшков. – *И.А.*)! Для него теперь все это не существует! Но к каким развалинам он возвратится, если Бог возвратит ему его рассудок. Мы живем во времена испытания» [3. Л. 6–6 об.]. Единственное спасение Жуковский видит в вере: «Теперь нет ничего другого для подкрепления души и для сохранения деятельности, кроме веры в Провидение. Ибо одна только эта вера может объяснить то, что вокруг нас происходит» [3. Л. 6 об.].

В письме Жуковский просит Пушкину не сообщать А.Н. Батюшковой о горестях Е.Ф. Муравьевой, чтобы не утяжелять ее и без того сложное внутреннее состояние. В ответном письме от начала апреля 1826 г. (на конверте штемпель: «10 Апр 1826») Е.Г. Пушкина писала, что, хотя она, по просьбе Жуковского, и ничего не говорила А.Н. Батюшковой о несчастьях Е.Ф. Муравьевой, «газеты о многом печальном ее известили». Здесь же она пишет об ухудшении здоровья Батюшкова: «<...> Мне не дозволяют более видеть Батюшкова. Пока надеялись, что свидания наши могут приносить пользу, я ездила в Зоненштейн. Я даже была в переписке с несчастным, но ни свидания со мною, ни письма мои не произвели того, чего от них ожидали» [6. Л. 7].

Следующее письмо к Пушкиной было написано Жуковским из Эмса 8 июля 1826 г. Оно открывается известием о еще одном испытании, выпавшем на его долю и долю всей России, – о смерти Н.М. Карамзина: «Я ожидал этого несчастья, но оно было для меня разительною неожиданностью, когда узнал об нем. Теперь одна только мысль в душе: о том, что сделалось с несчастным семейством; не могу думать об них без волнующего сердце беспокойства. Екатерина Андреевна, когда я оставил ее, не имела еще никакого подозрения; дети еще менее. Как это случилось... может быть, вдруг! И что было следствием удара? Не знаю ничего! Никто из моих петербургских не написал ко мне. А я мог бы уже иметь здесь многие письма. Одним словом, я в мучительном беспокойстве. Жду почты, почта приходит и ничего не приносит. Надеюсь, однако, скоро иметь какое-нибудь известие. Сохрани Бог от нового несчастья – кажется, довольно бед обрушилось на нас в последнее время!» [3. Л. 7].

Вторая половина этого письма посвящена планам Жуковского, они связаны с намерением сразу по окончании лечения «быть в Дрездене», «вас (Е.Г. Пушкину. – *И.А.*) увидеть и с вами съездить в Пирну, если не для свидания с нашим бедным затворником (К.Н. Батюшковым. – *И.А.*), то, по край-

¹ Е.Ф. Муравьева (урожд. баронесса Колокольцева, 1771–1848) – жена М.Н. Муравьева.

ней мере, для личного переговора с Пиницом и для свидания с почтенною Александрою Николаевною» [3. Л. 7 об.]. Жуковский осуществил все, о чем написал Пушкиной: он навестил ее 5 (17) августа; в Пирне, где А.Н. Батюшкова жила постоянно во все время лечения брата в психиатрической больнице доктора Пинитца в Зонненштейне, поэт побывал 28 августа (9 сентября), посетив Александру Николаевну. По возвращении в Дрезден Жуковский бывал у Пушкиных неоднократно, о чем делал краткие записи в дневнике [7. С. 250–252].

Позднее, по дороге из Дрездена в Лейпциг, Жуковский писал Е.Г. Пушкиной 15 (27) апреля 1827 г.: «Ехавши из Дрездена до Лейпцига, я по большей части думал о вас, милая Елена Григорьевна. Наше прощанье оставило на душе отголосок, который долго не замолкнет. Теперь жаль прошедшего, жаль, что было столько минут, не проведенных вместе. Но о тех немногих, которые осчастливлены вашею дружбою, никогда не забуду. В вашем семействе чувствуешь себя дома, то есть там, где хорошо, где живетя, где со своими. Когда-то Бог велит побывать опять вместе. Но разлука нас не разознит». И ниже: «Поручаю вам пожать за меня руки вашим милым четверем¹ и поблагодарить их за меня за то прекрасное, что мне так весело было в них заметить. Простодушная, естественная доброта с ясным умом и с живостью души – что может быть этого лучше. А это все нашел я в них; за то с ними и весело, а без них и грустно» [3. Л. 8].

В этом письме поэт описывает Пушкиной свои первые впечатления от Лейпцига, предстоящие хлопоты, связанные с закупкой книг для библиотеки великого князя Александра Николаевича, наставником которого он активно готовится стать («надобно возиться с книгопродавцами, писать каталоги, считать деньги, хлопотать о укладке и отсылке» [3. Л. 8]). Далее Жуковский сообщает, что они с А.И. Тургеневым везут лечиться в Париж, а оттуда в Эмс С.И. Тургенева.

Письмо, написанное Жуковским через несколько дней – 20 апреля (2 мая), развивает ряд сюжетных линий. Одна из них связана с С.И. Тургеневым, в выздоровление которого Жуковский твердо верит, считая, что для этого у него есть самое главное – моральные силы и добрая воля: «Сергею надобны одни телесные силы; тогда моральное придет в порядок, ибо оно само по себе не расстроено. Но как сладить с телом – это трудная задача. Многого жду от путешествия и особенно от Эмса. Моральному же он сам поможет, ибо у него на это есть добрая воля, которую надобно поддерживать. Вот главное» [3. Л. 9].

Часть письма посвящена описанию подарка, который Жуковский собирался послать Пушкиным. Речь шла о «скатерти для чайного столика с изображением коронации венгерской королевы», которая вызвала у Жуковского глубокое рассуждение о малой значимости «земных величий» и власти. «Это зрелище, – пишет поэт, имея в виду подарочную скатерть, – всегда будет трогать ваше сердце и разительно напоминать о ничтожности земного величия. Коронация под самоваром. Какой урок» [3. Л. 9].

¹ Имеются в виду 4 дочери Е.Г. Пушкиной – Дарья Алексеевна (в замуж. Скуратова), Наталья (в замуж. Челищева), Ольга (в замуж. Орфано) и Полина.

Это рассуждение органично переходит в еще одну бытовую зарисовку, также имеющую свой подтекст: «Я здесь видел, однако, нечто, разительнее изображающее ничтожность этих земных величий. Здесь в маленьком трактире, ознаменованном вывескою Золотой Пилы, живет на чердаке бывший шведский король под именем полковника Густавсона. Третьего дня мне удалось его видеть. Я шел мимо трактира, заглянул в окно; вижу кого-то в бедном шлафроке и, догадавшись, кто это, вхожу. Он сидит у стола с газетами в руках. Я начал говорить с хозяином, попросил пива; хозяин вышел. Я подошел к его бывшему величеству и спросил, могу ли взять газеты. Он подал их молча. *Mais peut-être les lisez vous-même.* – *Si je ne les avais pas lu, je ne vous les aurais donnés*¹, отвечал он гордо, встал и ушел. И это бывший жених великой княжны Александры Павловны, от которого, вероятно, умерла Екатерина. У него всего на все доходу до 500 талеров; ходит в замаранном шлафроке и однажды отморозил себе пальцы дорогой, потому что нечем было защититься от холода. Вот вам прибавка к моей скатерти» [3. Л. 9 об.].

Речь идет о бывшем шведском короле Густаве IV Адольфе (1778–1837), который был свергнут с престола в 1809 г. и жил после этого в Германии и Швейцарии под именем полковника Густавсона. В 1795 г. Густав IV Адольф был обручен с принцессой Луизой Шарлоттой Мекленбург-Шверинской, но в 1796 г. под нажимом Екатерины II помолвка была разорвана, и в августе 1796 г. Густав отправился в Петербург, чтобы обвенчаться с внучкой императрицы великой княжной Александрой Павловной. Но он отказался подписать письменное обязательство разрешить своей будущей супруге исповедовать православную веру, и помолвка не состоялась. Екатерина II, как известно, умерла скоропостижно 6 ноября 1796 г. Вся же история короля закончилась, в представлении Жуковского, «замаранным шлафроком» и нищенским существованием. За обеими бытовыми зарисовками этого письма стоит типичная для поэта-романтика философия истории, стержнем которой является идея нравственного смысла жизнедеятельности отдельной личности и всего общества. Особую силу, по Жуковскому, этот закон имеет в отношении избранных лиц, которым рукою Провидения дается сила власти над остальными.

В письме от 2 июня (20 мая по ст.ст.) 1827 г. Жуковский сообщал Е.Г. Пушкиной о кончине С.И. Тургенева и описывал последние часы его жизни, а также состояние А.И. Тургенева, беспокоиться о котором, считает Жуковский, не нужно, т.к. «*l'image tranquille et serein de son frère dormant comme un bienheureux après tant de souffrances, lui a tout dit sur le peu de prix de la vie qui a été pour lui si incertaine, dont l'avenir pouvait encore être si douloureux*» [3. Л. 10] («тихий и ясный лик брата, как бы в блаженстве почивающего после стольких страданий, доказал ему всю малоценность жизни, которая для покойника была столь ненадежна, а при дальнейшем продолжении могла быть столь горестна» – перевод цит. по кн.: [4. С. 414]). Сам Жуковский, подробно рассказавший Пушкиной обо всех физических страданиях С.И. Тургенева перед смертью и очень тяжело переживавший ее, все же воспринимает это событие как христианин: «*A le voir à présent, on a une par-*

¹ Но может быть, вы сами их читаете? – Если бы я их не прочел, я бы вам их не дал [4. С. 414].

faite image de la paix innocente devant ses yeux. Toute sa vie passée est là: son âme était pure jusqu'au tombeau; elle n'apportera dans l'autre vie rien d'indigne de l'immoralité. Cher Serge! Il y a quelque chose de si pur dans le souvenir qu'il a laissé de son existence!» [3. Л. 10] («Глядя на него, видишь перед собою совершенное изображение невинного спокойствия. Тут вся жизнь его. Душа его осталась чистою до могилы, и в жизнь иную не принесет с собою ничего такого, что было бы недостойно бессмертия. Милый Сергей! Есть что-то особенно чистое в воспоминании, которое он оставил о своем бытии» [4. С. 414]). И далее: «Son visage est redevenu calme et serein comme dans le bon temps. La mort, le plus persuasif des consolateurs, lui a tout révélé» [3. Л. 10 об.] («Лицо его опять стало спокойно и ясно, как было до болезни. Смерть, эта всеубеждающая утешительница, все ему открыла» [4. С. 416]).

Главной заботой Жуковского в эту минуту являлся А.И. Тургенев, плачущий об ушедшем брате и тем утешающийся и одновременно беспокоящийся о другом своем брате – Николае Ивановиче, которого, как известно, обязывали вернуться из Англии в Россию в связи с разбирательством по делу декабристов и который был заочно приговорен к смертной казни. Жуковский пишет Е.Г. Пушкиной, что он уверен в необходимости отъезда А.И. Тургенева в Лондон к брату и что он намерен проводить его до Кале. Из дневника поэта мы узнаем, что 5 июня, на следующий день после похорон С.И. Тургенева, А.И. Тургенев просил отпуска в Англию и получил отказ. 7 и 8 июня Жуковский ходил к послу в поддержку просьбы А.И. Тургенева. Однако разрешения так и не дали, вместо А.И. Тургенева в Лондон 10 июня поддержать Н.И. Тургенева поехала графиня Разумовская [7. С. 265]¹. Жуковский же, как известно, на протяжении 1827 г. работал над текстом «Записки о Н.И. Тургеневе», где писал о нем как о человеке высокой нравственности, исключительной чести и чувства собственного достоинства. Записка создавалась Жуковским для личного обращения к царю с целью добиться оправдания декабристу Н.И. Тургеневу².

В письме, написанном к Пушкиной между 12 и 28 июня 1827 г., находим свод основных идей, изложенных Жуковским в «Записке о Н.И. Тургеневе», которые характеризуют его высокий моральный облик: «От Н^{иколая} Ивановича Тургенева» есть известие. К нему поехала графиня Разумовская с тем, чтоб его приготовить к ужасной потере и потом об ней объявить. Но он уже знал обо всем прежде ее прибытия. Я желал бы, чтоб вы прочитали письмо его. В нем бы нашли вы все, что есть трогательного в человеческой горести и сильного в человеческой душе. Несчастье есть пробный камень; только по нем узнается чистое золото. Я ему обязан во всех этих горестных обстоятельствах высоким понятием о человечестве. Он был для меня убедительнее всех авторов, проповедующих красноречиво о нравственности. В нем нет искусственного стоицизма. Он все принимает глубоко к сердцу; может быть, сильнее, нежели кто-нибудь. Но он владеет своею судьбою; несмотря на сильные, частые припадки горя, он все сохраняет удивительную

¹ Об этом же см. в письме Жуковского Е.Г. Пушкиной от 12 июня 1827 г. [4. С. 417–418].

² Подробнее об этом см.: [8].

твердость высокого ума при всех слабостях нежного сердца: он представляет что-то необыкновенно-величественное» [3. Л. 12].

Следующие несколько писем Жуковского к Е.Г. Пушкиной связаны с ее хлопотами по поводу помолвки ее дочери Ольги с греческим полковником Г.Д. Орфано (1794–1859), участником восстания Ипсиланти, выпущенным из австрийского заточения. Елена Григорьевна беспокоилась о получении позволения государя на этот брак. В письме от 5 (17) ноября 1827 г. Жуковский сообщает, что сам «говорил с государынею Александрю Федоровною, которую просил представить государю о вашем положении. Через полчаса она сказала мне ответ, который состоит в том, что не нужно было требовать его позволения на брак Ольги Алексеевны, и что можете все кончить, как и когда хотите. Итак, все для вас разрешено. Жаль, что вы принуждены были ждать. Может быть, и доклада не было по вашей просьбе. Я рад, однако, что мне пришлось отворить вам дверь: это знак добрый. Я отворяю ее с сердечным участием, с желаниями и надеждами дружбы. Передайте их от меня милой невесте. Она стоит счастья и найдет его. Это пророчество дружбы. Вспомните обо мне в церкви и за шампанским; рюмку выпейте сами в мое имя» [3. Л. 19].

В письме от конца декабря 1827 г. (штемпель на конверте от 27 декабря 1827 г.) Е.Г. Пушкина писала: «Благослови вас Бог, мой неоцененный друг так, как я вас благославляю за ваше дружеское обо мне попечение. С истинным чувством нежной благодарности... читала я милое письмо ваше. А в душу мне заглядывал какой-то ясный луч надежды, что желание братской любви вашей для Оленькиного счастья наверно исполнится. Она достойна счастья и будет счастлива, потому что всегда сохраняет ангельскую чистоту свою. Жаль мне, что вы Орфано не знаете. Вы бы, конечно, его полюбили. Он правдив, как дитя, и тверд, как муж, долго боровшийся с лютою судьбою. Его все чувства возвышенны и благородны. Я располагаюсь отправиться в Берлин, в первых числах января, надеюсь там обвенчать детей. <...> Конечно, я о вас в церкви вспомню!» [6. Л. 13].

Е.Г. Пушкиной пришлось еще раз обратиться к Жуковскому за помощью для Орфано, т.к. весной 1828 г. в Москве распространились сплетни о том, что въезд Орфано в Россию будет запрещен. Спеша успокоить Елену Григорьевну, Жуковский сообщает ей в своем письме от 21 апреля содержание полученной им от Д.В. Дашкова следующей записки: «Le comte de Nesselrode m'informe que sous la date de 24 Decembre dernier il a été écrit a m-r de Canycoff à Dresde que roi ne s'opposait à ce que M-r Orfano retourne en Russie et que par conséquence notre Ministre était autorisé à lui delivrer un passeport qu'il de lui demandait» [3. Л. 31] («Граф Нессельроде информирует меня, что 24 декабря прошлого года он написал г-ну Ханькову (русский посланник. – И.А.) в Дрезден, что царь не противится возвращению г-на Орфано в Россию и что, следовательно, наш министр разрешил ему получить паспорт, который он просил»; перевод мой. – И.А.). Свое письмо Жуковский заканчивает словами: «Не понимаю, как Барклай вас об этом не известил. Поезжайте с Богом, когда вздумаете», имея в виду отъезд Пушкиной из Германии в Россию [3. Л. 31].

В письме от 28 апреля Е.Г. Пушкина сама опровергает сплетни о муже своей дочери Ольги, который, по ее словам, «никогда не был в российской службе. Он нес оружие за свое отечество, ему пожертвовал собственностью, за него претерпел заточение. Можно ли ему за то быть изгнанником из отечества жены своей тогда, когда и оставшиеся братья Ипсилантиевы получили позволение ехать в Россию?» [6. Л. 25]. В ответном (на письмо Жуковского от 21 апреля) письме от 21 мая Е.Г. Пушкина пишет, что Ханьков ее не успокоил: «Захотели толку от bestолкового»; она рассказывает о том, как попыталась с ним заговорить о деле, а он закрыл ей рот рукой и «гнузил мне под нос, и отвечал с глупой дипломатической ужимкой. <...> А для меня двусмысленный ответ нож вострый! Я лучше люблю отказ как жест. Он решает судьбу и не томит душу. <...> Письмо ваше меня чрезвычайно обрадовало. Итак, все беспоконствия мои миновались: и этим я вам обязана. <...> Теперь стану собираться. И через месяц, не позже, опять увижу и друзей, и родину» [6. Л. 27 об.].

В письме от 19 сентября 1828 г. Жуковский сообщает Пушкиной о состоявшемся личном знакомстве с Орфано незадолго до отъезда того по долгу службы в Грецию: «Сейчас был у меня ваш любезный Орфано. Я не ожидал его увидеть в Петербурге и с грустью услышал от него, что он покинул вас надолго. Но должность есть государь самодержавный. – Покориться ей надобно. По крайней мере вам об нем слишком беспокоиться не должно. Горизонт теперь перед ним довольно ясен. Весьма вероятно, что он приедет к развязке и к блистательному возрождению своей Греции¹. Он очень беспокоится о Ольге Алексеевне и ждет нетерпеливо писем. Пароход отправляется дней через пять или шесть. И так он успеет получить письмо до отъезда. Я очень рад, что узнал его. Приятная и благородная физиономия» [3. Л. 25]. В ответном письме от 28 октября Е.Г. Пушкина дает свою характеристику Орфано: «Физиономия Орфанова вас не обманула. Он нежный, благородный человек. Расставшись... с семейством, он принес самую величайшую жертву милой своей Греции» [6. Л. 29].

В осенних 1827 г. и зимних 1828 г. письмах Жуковского к Е.Г. Пушкиной одним из важнейших оказывается вопрос о возвращении Батюшкова в Россию. Надежд на его выздоровление не оставалось уже ни у кого, и Жуковский взял на себя заботы о пребывании больного друга на родине: «Что Батюшков? Я уже отказался за него от надежды; не знаю, каково будет ему в России? То есть не ему – для него уже нет в жизни перемены – но для тех, кто будет с ним. Как будут за ним смотреть? Он не усидит на месте! Нужен будет строгий присмотр, и я предвижу большие хлопоты для родных: особливо для бедной Александры Николаевны. Скажите ей мой душевный поклон. Напишу к ней тогда, когда будет о чем приятном ее уведомить» ([3. Л. 21] – письмо от 26 февр. 1828 г.). 19 сентября 1828 г. он вновь пишет Пушкиной о Батюшкове: «Что Батюшков? Я право думаю, со временем, его перевести сюда. Теперь здесь будет присмотр хорош. Императрица о том заботится. О докторе я говорил, но его приглашать не хотят. Если сам без

¹ Речь идет об освободительном движении в Греции.

приглашения будет, то будут этим довольны и, может быть, что-нибудь и сладится. Но как ему покинуть нашего больного. Разве на короткое время приедет. Осмотрел бы здешнее заведение и, может быть, увидит, что можно им воспользоваться для Батюшкова» [3. Л. 25].

В ответном письме от 28 октября Е.Г. Пушкина пишет Жуковскому о Батюшкове: «Что мне вам сказать о Батюшкове. Ах! Без надежды! Но при всем нашем о нем горе, должно еще Бога благодарить за то, что он послал нам человека, как Дидрих. Он неусыпно о нем старается, почти никуда от него не отходит и всячески ищет усладить его участь. Всего бы лучше, если б можно было со временем перевести Батюшкова в Петербург. Но это не иначе, как если там учредится дом сумасшедших не иным порядком, нежели здешний» [6. Л. 29].

Еще 21 мая 1828 г. Жуковский сообщал Пушкиной: «Надобно вам знать, что здешний дом сумасшедших взяла под присмотр государыня Мария Федоровна. Теперь будет совсем иной порядок. Это нам пригодится вперед. Предупеждаю об этом Александру Николаевну. Можно будет со временем перевести его в Петербург и поместить так, что ему будет спокойно и что присмотр будет порядочный» [3. Л. 23]. Однако со смертью императрицы Марии Федоровны пропала и эта надежда – «со временем лучше пристроить» Батюшкова. Жуковский писал Пушкиной 19 декабря 1828 г., что больному «придется оставаться на руках у родных» [3. Л. 27]. Из этого же письма мы узнаем, что Жуковский писал лечащему врачу Батюшкова, психиатру А. Дидриху, с просьбой «доставить о Батюшкове подробную записку» [3. Л. 27]. Дидрих, с марта 1828 г. наблюдавший за К.Н. Батюшковым в Зонненштейне, доставил его в Россию и прожил при нем в Москве около полутора лет. Здесь он познакомился не только с Жуковским, но и с Пушкиным, Вяземским и даже переводил Пушкина, Батюшкова и других русских поэтов. Дидрих оставил записку о болезни Батюшкова, из которой видно, как он глубоко понимал личность поэта и высоко ценил его дарование.

Жуковский беспокоится и за А.Н. Батюшкову. «Об Александре Николаевне вам надобно позаботиться до вашего отъезда. Ей должно покинуть Пирну. Нельзя ли ей будет в одно время с вами уехать? Я слышал, что она уже нашла доктора, чтобы проводить брата. Если бы вы могли вместе поехать», – пишет Жуковский Пушкиной в конце марта 1828 г. [3. Л. 28]. В письме от 23 апреля Е.Г. Пушкина отвечала Жуковскому: «Александра Николаевна поедет со мною <...> вот уже третий день, как у меня в Дрездене. Она виделась с братом, который ей обрадовался чрезмерно. Свидание ей это не повредило. Она уговорила с Didrich, который взялся проводить несчастного нашего друга в Россию и там провести с ним год! Д<идрих> человек умный, с большими познаниями и прекрасною душою, и с тихим, но твердым нравом». Еще ниже Елена Григорьевна обещает прислать Жуковскому письмо Дидриха, из которого он «увидит, что он (Дидрих. – И.А.) не совсем без надежды на очень бедного Константина» [6. Л. 23–23 об.].

Одновременно Жуковский принимает участие и в судьбе Ю.Н. Батюшковой, в ее устройстве при дворе в качестве фрейлины и просит Пушкину извещать А.Н. Батюшкову о том, как идут дела ее сестры. 25 ок-

тября (6 ноября) 1827 г. он пишет: «Успокойте Александру Николаевну на счет будущего Юлии: я имею теперь верную надежду, что оно устроится так, как мы желали в Дрездене. Это мне сказывала одна такая дама, на которую в этом случае положиться можно. Когда что-нибудь сделается, уведомлю ее прямо. Теперь только прошу ее знать, что есть большая, большая надежда» [З. Л. 18]. В письме от 21 апреля 1828 г. поэт спрашивал у Е.Г. Пушкиной: «Знает ли Александра Николаевна, что ее сестра уже взята ко двору. Я об этом давно к ней писал; но ответа не получил» [З. Л. 31].

Не менее настойчиво Жуковский напоминает Пушкиной об А.И. Тургеневе, постоянно просит ее писать ему. «От Александра нет письма. Мысль об нем есть для меня душевная болезнь, с которою трудно ладить – но как быть» [З. Л. 18], – пишет он 25 октября 1827 г. В письме от 26 февраля 1828 г.: «Получаете ли вы письма от Александра? Он теперь в Лондоне с Николаем. Но свидание едва ли будет им лекарством» [З. Л. 21]. Конец марта 1828 г.: «От Алекс<андра> я имею письма; дивлюсь, что он к вам не пишет. Он в Лондоне у брата» [З. Л. 28]. В ответном письме от 23 апреля Пушкина сообщает: «Вчера получила письмо от Алекс<андра>. Оно мрачно, как горесть, но изредка проскальзывают... острые шуточки и лукавые замечания» [З. Л. 23–23 об.]. 28 апреля она вновь пишет Жуковскому об А.И. Тургеневе: «Мне часто по нем бывает грустно. Да помочь нечем!» [З. Л. 27].

Получив очередное письмо от А.И. Тургенева, Жуковский извещает об этом Пушкину 19 сентября 1828 г.: «От Тургенева есть письмо из Эдинбурга. Он путешествует по Шотландии, а брат его на острове Джерзее. Зимой опять они соединятся. Его письма грустны; но он занят тем, что видит, и это его рассеивает. Когда же будут они вместе, то опять будет им очень тяжело. Но поправить едва ли будет возможно» [З. Л. 25 об.]. 19 декабря 1828 г. вновь спрашивает Е.Г. Пушкину о Тургеневе: «Получили ли вы письмо от Тургенева? Прошу вас убедительно писать к нему чаще. Он истинно несчастлив, и нет средства помочь ему. Это моя болезнь, от которой нет доктора. Ваше письмо его чрезвычайно утешило» [З. Л. 27 об.].

В письме от 30 декабря 1828 г. Е.Г. Пушкина отвечает на вопрос об А.И. Тургеневе и в продолжение темы, поднятой Жуковским в предыдущем письме, делится своими раздумьями об отношениях братьев Тургеневых: «Не знаю, почему Александр не получает моих писем. – Меня не нужно просить о том, чтобы я чаще к нему писала. Писать к нему, делить его горесть, утешать его моею дружбою – служит мне самым большим утешением. Мне его жаль! Сердечно жаль! <...> Что может быть тягостнее для сердца, как недостаток взаимности, а между ими (братьями Тургеневыми. – И.А.) взаимности нет и быть не может. Итак, тот, который принял жертву, страдает от нее, а тот, который принес ее, сокрушается от ее бесполезности. Бедные! А как им помочь. Не вижу к тому ни способов, ни надежды» [З. Л. 31–31 об.].

Переписка Жуковского с Е.Г. Пушкиной показывает, как от письма к письму крепла их дружба, духовное родство, взаимное уважение, основывавшееся на искреннем желании отдавать себя другим, слушаясь голоса

сердца и совести, участвовать в важнейших событиях русской культуры и общественной жизни. В одном из июньских писем 1828 г., в преддверии предстоящей разлуки (вероятно, речь идет об отъезде поэта на лето в Павловск), Жуковский писал Пушкиной: «C'est vraiment douloureux de se priver volontairement du bonheur de vous revoir encore pour un moment mais je vois que ce sacrifice est réciproque. Adieu donc. Recevez mon merci pour votre amitié et pour le bonheur de vous connaître telle que vous êtes et toutes les vôtres. Vous êtes une réunion d'êtres excellents. Il est bien doux de penser à vous et de croire à votre amitié. Je ne vous prie pas de me la conserver. J'y compte et c'est un vrai bonheur. A vous» [3. Л. 33] («Действительно, мучительно лишать себя добровольно счастья вас увидеть еще однажды, но я вижу, что эта жертва взаимна. Прощайте же. Получите мою благодарность за вашу дружбу и за счастье вас знать такой, какая вы есть, и всех ваших. Вы – собрание прекрасных существ. Сладостно думать о вас и верить в вашу дружбу. Я не прошу вас хранить ее для меня. Я рассчитываю на это, и это – настоящее счастье. За вас»; перевод мой – И.А.). В другом письме, написанном в это же время и, по видимому, по этому же поводу, поэт продолжает гимн, посвященный Е.Г. Пушкиной и ее семейству, а также дружбе с ними: «Обнимаю всех вас ото всего сердца; тяжело с вами расставаться; но весело было с вами породниться. Это родство на всю жизнь, и для этого чувства нет разлуки. Сохрани вас Бог, милые, бесценные друзья. Посылаю всем кредитов» [3. Л. 34], имея в виду свое письмо к А.П. Елагиной, в котором он говорит о том, что остался должен Пушкиной «большую сумму дружбы».

Получив 13 (25) января 1833 г. известие о смерти Е.Г. Пушкиной, Жуковский писал А.И. Тургеневу: «И Пушкиной нет. Много, много отправилось уже наших сопутешественников восвояси. И у меня как-то часто вертится теперь в голове идея о смерти: теперь уже идем не вперед, а к концу» [9. С. 273]. Поэт намного пережил свою «сопутешественницу», после ее смерти принимая активное участие в судьбах ее дочерей.

Литература

1. Вигель Ф.Ф. Воспоминания. Ч. 4. М., 1864.
2. Майков Л.Н. О жизни и сочинениях К.Н. Батюшкова // Батюшков К.Н. Сочинения: В 3 т. / Под ред. Л.Н. Майкова. Т. 1. СПб., 1887.
3. ОР ПД (ИРЛИ). № 21.215. 34 л.
4. Деятнадцатый век: Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым. Кн. 1. М., 1872.
5. Батюшков К.Н. Сочинения: В 3 т. СПб., 1885–1886.
6. ОР ПД (ИРЛИ). № 28.231.
7. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13: Дневники. 1804–1833 гг. М., 2004.
8. Айзикова И.А. «Записка о Н.И. Тургеневе» В.А. Жуковского (специфика восприятия и трансформации образа декабриста как особой модели личности) // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). 2005. Вып. 6 (50). С. 98–103.
9. Письма В.А. Жуковского к А.И. Тургеневу. М., 1895.